Сыщик поневоле

Автор:
Михаил Михеев

Сыщик поневоле

Михаил Александрович Михеев

Призвание – сыщик! Лучшие детективы

Обычный человек живет обычной жизнью. Но случается и так, что у него есть двойное или даже тройное дно. Именно поэтому, решив устроить кому-то неприятности, постарайтесь вначале понять, кто перед вами. Если же вы решили, что самый умный, не обессудьте. Может получиться и так, что сами вы окажетесь под чужим микроскопом. И того, кто стоит у окуляра, может заинтересовать, какого цвета у вас потроха. Не подумали? Рискнули? Ну что же, остальное – ваши проблемы. Готовьтесь услышать свист пуль, господа!

Михаил Михеев

Сыщик поневоле

Петровича хоронили в субботу. День был из тех, что он всегда любил: высокое, голубое настолько, что казалось прозрачным, небо и холодное осеннее солнце. Виталий, хрустя ногами по затянувшему лужи тонкому льду, мрачно подумал, что наставнику бы понравилось…

А вот могила подкачала. Грунтовые воды здесь близко, и на дне скопилось воды примерно по щиколотку, тоже уже подернутой ледком и стылой даже на вид. Хорошо еще, не как на старом кладбище. Там, по слухам, покойных опускали в воду, и гробы плавали. Впрочем, мертвым уже все равно, а родственники в подобный момент не в том состоянии, чтобы шумно протестовать. Возмущение

материализуется в мысль и действие несколько позже, но после драки, как известно, кулаками не машут.

Жена Петровича, сухонькая, низкорослая женщина… Когда он был жив, она ему едва доставала до плеча. Сейчас вдова, кажется, стала еще меньше ростом – ссутулилась и, такое впечатление, еле держалась на ногах. Хоть бы стул догадались взять, что ли… Еще хорошо, дочь поддерживает. У нее оказалось удачное сочетание генов: ростом – в отца, а телосложением – в мать. Не отходит от нее ни на шаг. Ну а больше родственников и нету. Хиленькая толпа человек в двадцать – это в основном, сослуживцы и пара-тройка примазавшихся соседей. Судя по затрапезному виду, из тех, что пришли не столько из большой любви к покойному, сколько желая пожрать, а точнее, выпить на халяву. Вполне, кстати, ожидаемо. Ведь сам Петрович детдомовский, а родня жены сюда не попрется – украинцы, млин… Впрочем, покойный с ними никогда не ладил, так что все логично.

Оставаться дольше положенного не хотелось. Вот забарабанили комья земли по крышке гроба, вот кладбищенские землекопы, сноровисто орудуя инструментом, приступили к исполнению своих обязанностей… Десять минут – и все, только холмик и деревянный крест. Был человек – и нет человека.

Собравшиеся потянулись к наскоро сооруженному столу, выпить и закусить, а Виталий, зябко передернув плечами, зашагал к своей машине. Плюхнулся на широченное сиденье еще не успевшего остыть внедорожника, врубил двигатель и подогрев. Проклятье, ну почему на кладбищах всегда так холодно? Поневоле задумаешься над словами тех, кто утверждает, что в таких местах грань между нашим миром и чужим становится тонкой и практически стирается. Хотя, возможно, все это лишь игра воображения.

Взрыкивая двигателем, машина уверенно проползла изрытую жутковатыми на вид ямами грунтовку между кладбищем и шоссе, после чего выбралась на асфальт. Счастье еще, движения практически нет. А потом – вдавить до упора педаль и погнать машину в сторону города, чтобы ощущение скорости размазало скопившийся на душе негатив.

Перегон и впрямь чуточку поднял настроение – Виталий всегда морально отдыхал за рулем. Давишь на газ – и не думаешь ни о чем, кроме дороги. Тем более дорога свободна, ГАИ – он знал это точно – нету, лети и лети себе. Двадцать километров он проехал за неполные десять минут, и лишь подъезжая

к городу, сбросил скорость. Все же здесь и поток был чуточку плотнее, и жрецы бляхи и полосатой палочки могли встретиться. К тому же местами на асфальте присутствовал ледок, а многие еще не поменяли летнюю резину и поэтому ехали совершенно непредсказуемо. В общем, не стоило рисковать.

Университет встретил его блеском недавно вставленных стекол, еще не захватанных шаловливыми студенческими ручками до полного безобразия, и густым ковром из свежеопавших листьев. Красные – рябина и осина, желтые – береза, и все это было припорошено сверху хвоей только начавшей сбрасывать летний наряд лиственницы. И, что просто здорово, не было проблем с парковкой – Виталий из-за похорон сам перенес занятия на более позднее время и в результате добрался раньше студентов. Замечательно, а то потом наставят своих агрегатов – велосипед не приткнуть. Давно пора ограничить для них стоянку, но ректор, известный своим лояльным отношением к подопечным, не соглашался. Впрочем, плевать.

Откровенно говоря, Виталий здесь не работал, а, скажем так, подрабатывал. Во-первых, жил один, а потому имел свободное время, которое жаль было терять бездарно, во-вторых, уже вошел в тот возраст, когда начинаешь задумываться, кто же придет следом, ну и, в-третьих, имел с этого невеликую, но все же копеечку. По сравнению с основной зарплатой ничто, но все равно приятно. Плюс, читая лекции, поневоле изучаешь какую-то литературу, а стало быть, не останавливаешься в развитии. Словом, имел он с университетом взаимовыгодное, не слишком обременительное сотрудничество и не собирался его прерывать.

– Мужчина!

Виталий спокойно (он все делал спокойно и обстоятельно) закрыл дверь машины, бухнувшую мягко, но солидно, и повернулся на крик. Две женщины, одна толстая и растрепанная, вторая худая, но тоже растрепанная, шустро направлялись в его сторону. И Виталий мог поклясться, что ни одна из них ему не знакома.

– Проблемы?

– Да, – толстуха неслась к нему с грацией асфальтового катка. – Ей надо на вокзал.

«Ею», судя по резкому и неожиданно быстрому для такой слонихи жесту, была ее субтильная спутница. Виталий удивленно посмотрел на машину, может, там какой-то шутник шашечки прилепил? Однако никакого компромата не обнаружилось, и он пожал плечами:

– Пусть вызовет такси.

– Денег нет.

– А при чем тут я? – искренне изумился Виталий.

– Ну что вам, сложно?

– Лень.

Это был честный ответ. Помощь первому встречному никогда не входила в число его жизненных приоритетов. Одно дело, если благородство тебе ничего не стоит – ну там дверь придержать или, с дачи выезжая, соседа безлошадного подхватить, но лишний раз напрягаться… Зачем? Поэтому он кликнул сигнализацией и потопал к университету, пропустив мимо ушей злобное «козел». До мнения колобка на ножках ему не было никакого дела.

Несмотря на то что время близилось к полудню, студенты были сонные и вялые, как мухи. К такому настрою Виталий не привык – занятия у него всегда проходили бодро, он умел заинтересовать аудиторию, да и знания у него, практика, выходили далеко за границы того, что мог дать обычный преподаватель. Но – не получалось. Возможно, тому виной было испорченное утром настроение, а может, что-то еще. Оставалось смириться с неизбежным и постараться вдолбить в пустые студенческие головы хоть что-то, и лишь к концу лекции удалось немного их расшевелить, хотя вышло это в известной степени случайно.

А получилось все немного глупо, с одной стороны, и чуточку пошло – с другой. Минут за десять до звонка (звонки у них давно не подавались, все и так знали расписание, а вот речевой оборот остался) Виталий закончил тему и нарочито-бодрым голосом объявил:

– Запишите новую тему…

– Виталий Семенович, – тут же влезла староста группы, всегда и по любому поводу имеющая свое мнение. – Может, не надо? Пойдемте лучше спать…

– Девушка, – Виталий почесал нос, как обычно, измазанный мелом и оттого немилосердно зудящий. – Вам не кажется, что для вас я староват? Найдите себе для сна кого-нибудь из своей группы, что ли…

Последние слова утонули во взрыве смеха. Народ проснулся моментально. Студенты всегда предсказуемо (и чаще всего злорадно) реагируют на шутки, если их объектом становится товарищ. Даже негр, то ли из Чада, то ли из Нигерии, Виталий не помнил, обучавшийся у них по какому-то хитрому договору и с трудом понимающий по-русски, ржал вместе со всеми. То ли языку все же обучился, наконец, то ли за компанию.

Девчонка с бурачного цвета лицом уткнулась носом в тетрадь. Виталию даже на миг стало ее жалко, но он легко подавил в себе это чувство. В конце концов, их кафедра всегда славилась острым языком и умением пошутить на грани приличия. Весь университет знал, что здесь это, скорее, правило хорошего тона, и за языком стоит тщательно следить. Так что сама виновата, особенно учитывая, что успела испортить с преподавателем отношения.

Инцидент поднял настроение, и домой Виталий приехал бодрячком. Потрепал по лобастой голове радостно завертевшую хвостом собаку и бухнулся на диван. Сегодня стоило отдохнуть, а завтра с утра – на рыбалку! До отъезда на работу еще две недели, следующая лекция только в четверг, а значит, минимум три дня можно жить, как считаешь нужным, и предаваться блаженному ничегонеделанию. А учитывая, что сейчас как раз начинает скатываться рыба, упускать момент казалось глупостью.

Вообще, пора было разогревать обед, но Виталию не хотелось вставать. Вот полежит немного, и тогда… Из объятий незаметно подкравшегося сна его вырвал телефонный звонок. А на трескотню мобильника стоило отреагировать – просто из-за того, что кому попало этот номер Виталий не давал.

Давным-давно, когда платными были не только исходящие, но и входящие звонки, ему повадились звонить с рабочих телефонов. Когда со счета за неделю

слетело больше тысячи рублей, притом что месячная зарплата едва переваливала за десятку, Виталий закономерно возмутился, однако на звонящих это не подействовало. «Мы же по работе…» И тогда он сменил номер, заблокировал его, дабы у собеседников не срабатывали АОНы, и сообщал эти несчастные десять цифр только тем, кому доверял. Ну а раз так, звонили наверняка те, на чей вызов стоило отвечать при любых раскладах, и ради этого пришлось отрывать задницу от дивана и тащиться в кабинет, где на столе дребезжал дешевенький пластиковый возмутитель спокойствия.

Номер был незнаком. Очень интересно. Впрочем, может, это снова дурацкая реклама такси или страховая услуги навязывает. Механически вдавив клавишу, Виталий мрачно буркнул:

– Слушаю.

Телефон отозвался тишиной. С удивлением посмотрев на экран, Виталий убедился, что соединение не прервалось, но звука не было. А потом раздались короткие гудки. Ошиблись номером, наверное, или просто сбой и не проходит звук – когда номера принадлежат разным операторам, такое бывает. Для очистки совести подождав минуту, Виталий махнул рукой и отправился готовить обед. О звонке он тут же забыл, и, как показали дальнейшие события, совершенно напрасно.

Из дома Виталий выехал рано утром. Машина бодро тащила прицеп с лодкой по безлюдной улице, а затем по такой же пустынной трассе. Разве что инспектор, сидящий в машине на выезде из города, проводил его равнодушным взглядом и вновь прикрыл глаза – таких, как Виталий, любителей рыбалки в их провинции хватало. А потом двигатель глухо зарычал, и тяжелая машина легко вышла на запрещенную, но все же приятную любому водителю скорость и понеслась по сухому, а потому абсолютно нескользкому асфальту, петляющему по лесу не хуже гадюки.

Два часа спустя он был на месте. Ну, почти на месте – оставалось километров пятнадцать, и здесь начиналось самое веселье. Съехать на неприметную, изрядно заросшую травой, сейчас желтой и пожухлой, отворотку – и вперед, топтать грунт. По этой дороге кроме него в последние годы вообще никто не ездил. Место от населенных пунктов удаленное, а последняя жительница подкошенной вначале советскими «укрупнениями», а затем окончательно добитой бардаком лихих девяностых деревеньки, к которой эта дорога вела,

умерла лет пять назад. Так что людей здесь не было от слова совсем, зато имелась пара вполне пригодных для жизни домов, до которых, правда, надо было еще добраться.

Внедорожник, словно маленький танк, уверенно попер по заданной траектории. Несмотря на неказистый вид и общую убитость, застрять на давным-давно заброшенном проселке было проблематично. Грунт, песчаный и плотный, уверенно держал машину, а непролазной грязи не наблюдалось даже в сильные ливни. Просто никто об этом не знал, потому и не лезли. Ну а ямы… Что же, с ними приходилось мириться, тем более что всеядная подвеска и высокий клиренс делали езду если не комфортной, то вполне терпимой, а могучая рама не позволяла угробиться кузову. Конечно, не разгонишься, но через полчаса Виталий был уже в своих владениях.

Да-да, именно так, это были его владения, безо всяких натяжек. Когда-то в деревне жили его, Виталия, родственники. Дальние, конечно, но так получилось, что хоронить пришлось ему. Вообще, ему везло на похороны. Ну а потом оформил наследство, за копейки прикупил бесхозные дома с прилегающей землей вокруг. Не то чтобы Виталия интересовал помещичий быт в глуши, но раз уж не просто предлагают, а чуть ли не насильно в руки впихивают, зачем отказываться? Тем более что таджики-гастарбайтеры задешево и вполне сносно отремонтировали в обоих домах крыши, а стены из лиственницы способны простоять не одно столетие. Вот и приезжал он теперь сюда на рыбалку или за грибами-ягодами, когда один, а когда и с веселой компанией, отдохнуть да водки попить вдали от цивилизации. В общем, о приобретении Виталий не жалел.

Заскучавшая (ну а что делать, если из развлечений только и оставалось, что большегрузы облаивать) собака молнией выскочила из багажника и тут же нырнула в ближайшие кусты, зашуршала опавшей листвой и поперла вокруг дома. Только нахально загнутый колечком хвост, словно пиратский флаг, торчал, указывая ее путь. Хорошая у зверюги жизнь, ни о чем беспокоиться не надо. А вот Виталию, прежде чем заниматься развлечениями, требовалось обустроить быт.

Огромный, чуть тронутый ржавчиной амбарный замок на двери открылся, как всегда, неожиданно для такой громадины легко. Дверь из крыльца в коридор столь брутальным украшением похвастаться не могла, но открылась куда тяжелее – видать, немного разбухла от влаги. Пахнуло нежилым, но это как раз

было нормально. Зато в самом доме имелись огромная русская печь, запас сухих дров и прочие радости жизни, позволяющие сравнительно легко обеспечить комфортные условия существования. Спустя уже каких-то полчаса дрова весело трещали, из трубы валил жирный дым, а в комнате начало понемногу теплеть. Разумеется, кирпичам надо несколько часов, чтобы прогреться, но толику живого тепла печь уже отдавала. Оставалось подключить привезенный с собой компактный генератор, запустить его, проверить, все ли работает, и вновь заглушить – сейчас в электричестве не было нужды, зато вечером этот признак цивилизации придется очень кстати.

Вечерний выезд не принес особых эмоций – Виталий устал за день, а потому ограничился поставленными сетями и несколькими бросками спиннинга, на удачу. Река откупилась парой некрупных щучек – как раз на жареху, и на том, собственно, день закончился. Оставалось загнать в дом собаку (по чести говоря, комнатная лайка, набегавшись за день, и не протестовала), как следует закрыть дверь да лишний раз проверить ружье. Охотник из Виталия был никакой, он и не увлекался этим, но в глуши может встретиться что угодно, вплоть до медведя, и двустволка являлась обязательным атрибутом всех его поездок.

Утром оказалось настолько холодно, что лужи промерзли до дна, а река подернулась у берега тонким ледком. Чудом уцелевший во всех жизненных коллизиях старомодный градусник за окном показывал минус шесть, а значит, ночью было все десять. Но в доме сохранилось тепло, а лодочный мотор, несмотря на свое китайское происхождение, взревел оглушительно-бодро. И река, кажущаяся по случаю безветрия застывшим зеркалом, выглядела замечательно. Приплюснутый форштевень моторки резал-сминал эту картину, как варвары – Рим, и спустя каких-то двадцать минут на дно лодки уже летело вытряхнутое из сети живое серебро. Красота!

Увлеченный работой, он и не заметил, откуда появилась вторая лодка. Скорее всего, она плыла по течению, не запустив двигатель, во всяком случае, мотор он услышал, когда тот взвыл совсем рядом. Буквально через несколько секунд в поле зрения появился и источник. Никакими высокими технологиями он, разумеется, не пах – обычная деревянная посудина, из тех, которых много в любой деревне. Длинная, остроносая, как щука, доски внахлест. Очень прочная, очень тяжелая и в то же время, благодаря стремительным обводам, весьма скоростная. А на этой вдобавок еще и старенький «Вихрь» был установлен, так что по воде она даже не плыла – летела.

Человек, который управлял этой посудиной, совершил серьезную ошибку. Вместо того чтобы подплыть тихонько или же изначально идти на моторе, он, заведя его в нескольких десятках метров от Виталия, тем самым привлек его внимание. А потому рыбак успел заметить, как незваный гость поднял со дна лодки ружье, и, бросив сеть, рухнуть на дно своей посудины. Очень вовремя, кстати. Ну и еще Виталию повезло, что у стрелка один ствол оказался заряжен пулей, а другой – крупной дробью. В результате пуля прогудела там, где он только что находился, а вот содержимое второго ствола лишь вспенило воду, изрядно не долетев до цели.

– Урод! – прохрипел Виталий и обозвал наглеца неблагозвучным китайским именем, а тело его, как всегда в минуты опасности, действовало четко и практически независимо от сознания.

Собственное ружье лежало рядом, и, недолго думая, он выпалил из обоих стволов вслед проносящейся мимо лодке. Попал, не попал, неясно. В человека точно не попал, поскольку тот, предусмотрительно отъехав подальше и сбросив скорость, начал разворачиваться, явно намереваясь продолжить морской бой. Хорошо видно было, как он перезаряжает ружье. Похоже, наступила пора драпать.

Горячий мотор завелся мгновенно, и Виталий рванул прочь со всех его десяти сил. Увы, смыться у него шансов не имелось, поскольку на стороне противника были и лучшие обводы плавсредства, и более мощный двигатель. В такой ситуации меньший вес лодки практически не давал преимущества. Так что приходилось выкручивать газ до упора и одновременно трясущимися пальцами перезаряжать дедову еще двустволку. Хорошо, что трофейное, привезенное с войны ружье действовало безотказно, послушно выплюнув гильзы и позволив засунуть в стволы новые. Правда, к тому моменту, как это удалось сделать, рев мотора позади заметно приблизился, и шанс получить заряд картечи в спину стал реальностью.

Ну что же, сейчас поиграем. Страх первых секунд ушел, уступив место холодной, расчетливой злости. Место было подходящее. Поворот, еще поворот… Противник попытался срезать угол и – ура, мест этих он не знает! – закономерно влетел. Каменистая, с песочком коса, летом она торчит над водой, с нее удобно ловить язя. Ну а сейчас воды побольше, но все равно недостаточно. Моторка Виталия прошла четко по кромке, там, где резко начиналась глубина, а вот преследующий его урод на тяжелой, глубоко сидящей лодке закономерно

влетел. Виталий еще увидел, как мотор подбросило от удара, и он отчаянно взвыл. И, судя по звуку, результат оказался именно тот, на который он и рассчитывал. Или лопасть сломало, или штифт срезало, а может, втулку провернуло. Какая разница, главное, противник остался практически без хода. Сдвоенный звук выстрела – для того, наверное, чтобы успокоить нервы. А вот это ты зря.

Круто положить руль, не торопясь подъехать к нахалу, пытающемуся лихорадочно перезарядить стволы…

– Слышь, дятел, ну-ка, брось дуру. Брось, я сказал, хунвейбин хренов!

Тот матюгнулся, зло и незамысловато, не спуская при этом завороженного взгляда с оружия в руках у Виталия. Все правильно, двенадцатый калибр сам по себе внушителен, а когда смотрит в лицо, то и вовсе загораживает весь мир. Виталий демонстративно опустил стволы, чтобы они смотрели в живот противнику:

– Давай-давай, а то яйца отстрелю.

– Слышь, мужик…

– Бегом!

Явственно слышный скрип зубов, стук упавшего на дно лодки оружия.

– А теперь вылазь. Живо, живо, тут неглубоко.

– Да…

Бабах! Пуля вдребезги разнесла пластиковый колпак двигателя и разворотила цилиндр. Скорость, с которой хозяин моторки сиганул за борт, была достойна чемпиона. Ну, вот и все, осталось зацепить лодку на буксир, вежливо помахать ручкой ее теперь уже бывшему владельцу и неспешно отплыть подальше. Ну а потом отправить трофейное ружье на дно, десятком ударов топора выбить пару досок из днища – и пускай утлый челн плывет себе, медленно погружаясь. Ну а его хозяин в насквозь мокрой одежде пусть себе чапает отсюда пешком, как раз

остынет. До ближайшей деревни километров пятьдесят, если напрямую, а по-хорошему все семьдесят. И до дороги столько же. А до противоположного берега, на котором обосновался Виталий, почти четверть километра по ледяной воде, так что больше об этом кадре беспокоиться нечего. Даже если выберется отсюда, запомнит, что не стоит грубить незнакомым людям.

Настроение резко поднялось. Зато через час, когда Виталий закончил проверять сети, вернулся в деревню и уже зашел в дом, его начало колотить. Только сейчас он осознал: в него стреляли, его на полном серьезе хотели отправить к праотцам, а он даже не озаботился выяснить, кто и за что. Последнее ничем, кроме стресса, объяснить не получалось, да и не хотелось. Навалилась апатия – тоже последствие стресса. Все же не каждый день тебя пытаются убить. Откровенно говоря, с Виталием подобное за последние несколько лет вообще произошло впервые. Рисковать шкурой – да, доводилось, но целенаправленно на его драгоценную жизнь в этих местах еще никто не покушался.

Бутылку водки он высосал в одно горло, словно воду. И – никакого опьянения, адреналин пережег все. День выглядел безнадежно испорченным. Вот только… почему?

– Не дождетесь, – зло выдохнул Виталий Третьяков, человек, изрядно помотавшийся по свету, умеющий и принимать решения, и рисковать. – Хрен вам.

Кому он это говорил, осталось тайной даже для него самого, да это было и неважно. Главное – встряхнуться, взять себя в руки, а там дело пойдет. И он не ошибся. Уже к вечеру дурные мысли отпустили. И рыбалка удалась. И шашлык. Единственно, теперь он на реке чаще оглядывался по сторонам и то и дело щупал рукой лежащее рядом ружье, но с этими полезными для жизни рефлексами стоило смириться.

В среду он поехал домой, несмотря ни на что, отдохнувший и довольный. Собака, вольготно расположившаяся в багажнике, тоже выглядела довольной: набегалась, нагулялась, наловила мышей… Есть у зверюги охотничьи инстинкты, чего уж там, и хотя большую часть жизни она проводит в теплой квартире, на коврике (а когда хозяина дома нет, на диване, это Виталий знал совершенно точно), попав на природу, она со страшной силой мышкует, гоняет белок, разоряет птичьи гнезда. И не боится медведя – нарывались как-то, хорошо, в августе, когда зверь сытый и ленивый.

И все же, когда машина начала усердно наматывать на колеса километры шоссе, мысли непроизвольно вернулись к той перестрелке. Каждый вечер возвращались, и сейчас тоже, и по-прежнему крутились вокруг единственного вывода: ничего не понятно.

Как и у любого человека, у Виталия были враги. Те, которые могут плюнуть в суп или при случае, если это не опасно, в спину. Вот только были они, по его мнению, мелочью пузатой, и ни один из них не стал бы рисковать собственной шкурой. А на киллера, даже если у кого-то из них окончательно съехала крыша, они вряд ли наскребут. Да и потом, чтобы пойти на убийство, или даже на запугивание с применением оружия, нужно иметь серьезный повод и быть настоящим, с большой буквы Врагом. Ни того, ни другого у Виталия не имелось еще и потому, что он был самым обычным человеком, а не гендиректором крупной корпорации или носителем государственных секретов.

Человека, который в него стрелял, Виталий – он мог в том поклясться – видел впервые в жизни. А еще – и в этом Виталий тоже был уверен – тот был не из ближайшей деревни. Те, конечно, вполне могли учинить по пьяни разборку со стрельбой, просто решив, что городской ставит сети в исконно их местах, а потому мысль о беспредельщике из хлева появилась сразу же. Но здесь имелись два совершенно не вписывающихся в картину момента. Во-первых, расстояние до ближайшей деревни. Рыбы на реке не то чтобы богато, но хватает пока на всех, и бросок на такое расстояние просто-напросто не окупится никаким уловом. Можно наловить ближе и не хуже, не тратя горючее. Ну а во-вторых, по-трезвому местный на такое вряд ли пойдет, а тот, кто стрелял в Виталия, пьяным не был. Уж что-что, а этот нюанс он, проработавший не один год в обществе любителей принять на грудь чего-нибудь крепче чая, умел определять безошибочно.

Впрочем, через полчаса времени и полста километров расстояния Виталий решительно выбросил случившееся из головы. Для выводов слишком мало информации, так что нечего и гадать, забивая голову досужими предположениями. Пожалуй, больше всего его сейчас волновало, как бы тот ублюдок от тупой злости не поджег дом, но противодействовать этому он все равно никак не мог.

Стоило бы, конечно, в полицию заявить, но это ведь может и боком выйти. Сам-то тоже стрелял, могут и дело пришить. В моральных качествах стражей

порядка, вернее, двойственности их стандартов, Виталий не сомневался ни на миг. Стало быть, отечественных, да и всех прочих сыщиков побоку, да и, опять же, незачем себя без нужды накручивать. И, врубив музыку, он вдавил педаль газа, с упоением чувствуя, как нарастает под капотом послушная ему мощь.

Квартира встретила его уютным теплом. Четыре комнаты, огромная кухня и, несмотря на собаку, очень чисто – жилище холостяка при деньгах. Псина сунулась было в комнату, но услышала окрик хозяина и дисциплинированно отправилась на свой коврик, отлеживаться, пока с лап не осыплется песок, а Виталий целеустремленно потопал на кухню – проголодался, пока ехал. И в этот момент запиликал оставленный на столе за ненадобностью (в паре километров от города связь все равно пропадала) мобильник…

Номер был тот же самый. И то же самое молчание в трубке. Вот только, в отличие от прошлого раза, после случившегося это воспринималось несколько зловеще. И настроение, только-только окончательно пришедшее в норму, тут же вновь ухнуло вниз. Виталий пробежал глазами по списку вызовов, обнаружил среди пропущенных еще два с этого номера, и мысленно сплюнул. Вот еще не было печали…

Впрочем, больше его никто сегодня не беспокоил. Аж до самого вечера не беспокоил, когда Виталий все же вылез из глубокого мягкого кресла, в котором незаметно для самого себя благополучно задремал, и занялся прозой жизни. В частности, выгулом домашнего животного, которое отчаянно пританцовывало у двери, намекая, что если хозяин не поторопится, то кучу оно ему в подарок точно наложит. Учитывая, что характер у собаки просыпался иногда совершенно кошачий, запросто. Пришлось одеваться и, ворча под нос на ту сволочь, что когда-то подбросила аккурат под колеса машины коробку из-под обуви с крошечным меховым комочком, топать на улицу. Собака, натягивая поводок, бодро зарысила по лестнице впереди, периодически на поворотах задевая этим самым поводком за решетчатые перила советского образца. Те издавали возмущенный звук, немелодичный, но и не противный. Словом, все как всегда.

И во дворе все было как обычно. Разве что компания, распивающая пиво на детской площадке, незнакомая, но это и неудивительно: во-первых, Виталий к ним никогда не присматривался, а во-вторых, сюда периодически подваливает расслабляющийся народ аж с трех соседних дворов. Дворничиха по утрам, убирая последствия таких расслаблений, материлась весьма изобретательно, жильцы, для чад которых и была, собственно, организована площадка, были с

ней солидарны, но делу это помогало мало. Во всяком случае участкового, разгоняющего сборище, Виталий не видел здесь ни разу.

Собака, отпущенная с поводка, радостно зашуршала чем-то в кустах. Пришлось ее окликнуть, чтобы не сожрала ненароком какую-нибудь дрянь. И этим, очевидно, Виталий и привлек внимание расслабляющегося молодняка.

– Папаша, огоньку не найдется?

Судя по ленивой интонации, сказано это было без особой агрессии. Так, попугать обывателя, но уж этаких орлов Виталий точно не боялся.

– Сынок, а тебе папа с мамой не говорили, что детям пора смотреть мультики и в кроватку бай-бай?

Компания дружно загоготала, а тот, говорливый, разом побагровел – хотя сумерки уже сгустились, фонарь работал, и картинку давал неплохую. Парнишка начал медленно вставать, явно намереваясь произвести впечатление. Получалось так себе – никакая качалка не сможет скрыть возраст, и за широкими плечами и короткой стрижкой а-ля крутой скрывался обычный шпаненок, на которого Виталий смотрел даже с некоторой жалостью. Мозгов нет – считай, калека.

– Слышь…

Что уж Виталий должен был услышать, так и осталось загадкой, поскольку из кустов не с лаем даже – с ревом – выпрыгнула его собака. Зверюга она была, конечно, не самая крупная, овчарке уж точно уступала, но когда на тебя, без разбега перемахнув забор, несется из темноты черная рычащая торпеда со вздыбленной шерстью, это производит впечатление. Парень от неожиданности шарахнулся назад и, позабыв о том, что сзади скамейка, зацепился за нее ногами, позорно плюхнувшись на грязный песок. Остальные, напротив, повскакали с мест и тут же были бдительно облаяны. Собака Виталия еще никого не покусала, но кому попало знать об этом было совсем необязательно.

– Эй-эй, – тот молокосос, что был чуть старше и, видимо, за главного, вскинул в примиряющем жесте руки. – Мы тебя пугать не хотели…

– Последний, кто пытался меня всерьез напугать, – лениво и чуть презрительно отозвался Виталий, – был почти трех метров роста и весил где-то полтонны. Его шкура до сих пор висит у меня на стене. Если что, там хватит места и для ваших.

По всем законам жанра, стоило бы вообще этих четверых отсюда выгнать, но делать этого он не стал. Просто потому, что считал: каждый должен заниматься своим делом. В его обязанности разгон местной шпаны никак не входил, так что Виталий коротко свистнул псине и отправился с ней по своим делам. Ну а парни принялись успокаивать страшно матерящегося товарища. Тот сыпал угрозами, но как-то безадресно, и последовать за собаководом с целью развития конфликта не пытался. Ну а Виталию было абсолютно все равно, что он там бормочет.

В этот момент и зазвонил опять телефон. Опять этот номер… Виталий подумал несколько секунд, решая, не отправить ли его в черный список раз и навсегда, но воспитание победило. Кнопка – не сенсор, как на новомодных смартфонах, а солидная и удобно ощущаемая пальцем деталь – вдавилась с легким усилием…

– Виталий Семенович!

– Слушаю, – голос был женский, молодой, немного испуганный и до странности знакомый, но кому он принадлежал, Виталий решительно не помнил.

– Виталий Семенович, это Катя.

– Что за Катя?

– Катя Никифорова. – Показалось, или в ее голосе мелькнуло разочарование? – Я…

– Не стоит, я понял. Простите, не узнал голос. Чем могу быть полезен?

– Виталий Семенович, вы могли бы подъехать к дому отца?

– Да, – сухо ответил он. – Завтра…

– Прямо сейчас!

– Гм… Это и впрямь так важно?

– Поверьте, очень. Я бы не стала вас беспокоить, но отец сказал, что, случись нужда, могу обращаться именно к вам. Он вам верит… верил. Я звонила несколько раз, но то шел какой-то сбой, я вас слышала, вы меня нет, то никто не брал трубку.

– Меня не было в городе, – автоматически ответил Виталий, прикидывая уже, как лучше ехать. – Буду через полчаса. Устроит?

– Да, конечно, спасибо вам огромное.

– Пока не за что.

К дому Петровича он подъехал даже раньше, чем обещал. Тут, собственно, и ехать-то было всего ничего, особенно учитывая, что загруженность улиц у них далеко не столичная. Больше времени потратил, загоняя домой собаку – та упорно жаждала еще погулять и познакомиться с очередным блохастым приятелем. Но когда он въезжал во двор, то понял сразу две вещи: во-первых, звали его явно не зря, а во-вторых, он опоздал. Дом уже догорал…

Жил Петрович в старом доме, построенном еще в те далекие времена, когда город только начал появляться на карте. Отделка дощатая, под ней – дранка, а что уж там дальше, Виталий никогда не видел и даже интересоваться не собирался. Когда-то с этих двухэтажных, на один-два подъезда, домов начинался город, сейчас остались считанные экземпляры, периодически сносимые для расчистки мест под многоэтажки.

Дом, превратившийся сейчас в груду обгоревшего мусора, под расселение и снос должен был пойти года через три-четыре. Может быть. А может, и нет – гадать, что в головах у чиновников и как меняются их планы по распилу бюджета, занятие неблагодарное. Во всяком случае, Петрович по этому поводу все шутил, что вряд ли дождется нормальной квартиры. Вот и не дождался. А сейчас и дома не стало, лишь толпились вокруг жильцы, разом лишившиеся всего, что только можно. Неудивительно, что вид у них был крайне потерянный.

Виталий выскочил из машины, поискал глазами Катю и ее мать, но, увы, не заметил даже намека. Пошарил в кармане, нашел телефон, набрал… «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Стоило ожидать. Черт!

Домой он вернулся лишь часа через два. Один. Девушку так и не нашел, что и неудивительно. Очень похоже, завтра в развалинах найдут два обгоревших трупа. Что здесь творится-то, черт возьми?

Сбросив пропахшую едким дымом одежду, он не меньше получаса стоял под острыми, как иголки, струями душа, пытаясь смыть не столько грязь, сколько мерзкое ощущение безысходности. Когда вокруг тебя начинаются непонятки, это, в конце концов, переживаемо. Когда в тебя стреляют, но ты можешь ответить тем же, чувствуешь много чего, но помимо логичного для достаточно мирного человека вроде него страха есть и азарт, и адреналин в крови. А когда вот так, был человек, с которым ты несколько минут назад разговаривал, – и остались обгорелые скелеты… А еще когда ощущаешь, что ты сам во всем этом каким-то боком замешан, причем непонятно как… В общем, на душе было мерзко, иначе и не скажешь. И душ здесь не помощник.

Растершись докрасна огромным махровым полотенцем, Виталий, сопровождаемый внимательным и, как всегда ему казалось, чуть насмешливым взглядом собаки, прошелся по гостиной, потом вздохнул и отправился на кухню, за чаем. Много-много заварки, кипяток, пара ложек малины – то, что надо. И – в кабинет, бросив по пути собаке ломоть колбасы. Поймала в полете и сожрала мгновенно, кто б сомневался. И куда в нее столько лезет… Спать все равно не захочется, нужно вначале успокоиться, а что для этого требуется? Вкусный чай, гигантский бутерброд и, естественно, работа, отвлекающая от лишних мыслей. Правда, работа дома так, для души, но не все ли равно.

В кабинете все было как всегда. Толстый, поглощающий звуки ковер на полу (собаке в эту комнату заходить строго воспрещалось, иначе заколебешься потом шерсть из длинного мягкого ворса вычищать), медвежья шкура на стене. Именно про этого зверюгу, добытого на Камчатке, он сегодня и вещал шпане. Зверя было откровенно жаль, но он первый нарвался, так что чувства пришлось отложить на потом, а тогда, видя несущуюся к нему с недвусмысленными намерениями тушу, Виталию оставалось лишь стрелять. На мысли, что характерно, времени уже не оставалось. Медведь упал только после двух выстрелов из ружья и трех пуль из казенного нагана, всаженных прямо в башку.

Когда эта гора мяса и зубов-когтей рухнула, не добежав всего-то пяти шагов до цели, незадачливый стрелок ощутил странную пустоту внутри и огромное желание присесть за ближайшими кустиками. Адреналин прямо через задницу выбивало, и так бывает, чего уж.

Проведя ладонью по меху, Виталий тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и бросил взгляд на стол, где уже третий месяц неопрятной грудой валялись привезенные из последней экспедиции (ну, как экспедиции – за хорошие деньги катали скучающих бездельников по местам, которые выглядели ну очень дикими) образцы. Притащил для личной коллекции, хотя такого барахла и без того полный шкаф. Но – не вынесла душа поэта, прихватил, куркуль несчастный. Привез, сложил на стол – и умотал на море, отдыхать. Потом много мотался по работе, вернулся – опять руки не дошли… В результате все покрылось тонким слоем пыли, хороший показатель того, насколько все это на самом деле нужно. И все равно порядок навести однозначно стоило.

Взгляд помимо воли мазнул по полке здоровенного книжного шкафа. Там, в обрамлении груды качественно обработанной целлюлозы, запечатлевшей гениальные (а чаще совсем даже наоборот) мысли авторов, стояли две модели. Подарок все того же Петровича, весьма увлекающегося самим процессом, но моментально охладевавшего к результату. Вот и раздаривал получившуюся красоту кому попало.

А красота и впрямь была, причем безо всяких скидок. Шикарный, с ярко-красным корпусом фрегат под всеми парусами, белыми, как снег. Петрович, когда его только сделал, с пеной у рта утверждал, что именно так и выглядела легендарная «Арабелла» капитана Блада. Впрочем, стоящая рядом модель, на взгляд Виталия, была куда интереснее.

Корабль этот, наверное, имел какие-то прототипы в реальности, но футуристичность его вида даже не намекала – открытым текстом говорила, что, собирая модель, Петрович вложил в нее максимум фантазии. И, надо сказать, у него получилось. В отличие от парусников, островам из плавающей стали довольно сложно придать романтический вид, но это утыканное орудийными башнями и ракетами чудовище почему-то наводило на мысли о временах, когда морями владели настоящие мужчины, а не нынешние… американцы. Словом, модель удалась.

Виталий привычно дунул на винты, и они так же привычно закрутились на идеально подогнанных валах. Как обычно, четыре из пяти – центральный от ветра проворачиваться категорически отказывался, он и рукой-то с трудом крутился. Петрович, помнится, рассмеялся, когда сам увидел это в первый раз, но поправлять, естественно, не стал.

Как ни странно, при этих воспоминаниях печаль немного отступила. Вот так, жил хороший человек – и даже после смерти осталась от него память. Возможно, она и Виталия переживет. Жаль только, что… А, идет оно все к черту!

Отогнав начавшие забирать в неправильную сторону мысли, Виталий решительно сел за стол, подвинул к себе картонку, на которой лежала небольшая, на пару килограммов, друза горного хрусталя. Ничего интересного, если вдуматься, на полке их уже штук пять, и побольше, и формами интереснее. Стало быть, почистить – и задарить кому-нибудь. Или продать – у дилетантов, возомнивших себя коллекционерами, подобное барахло в цене. А пока…

Перебирая образцы, он так увлекся, что, подняв глаза на часы, удивился даже. Почти два часа ночи. Спать пора! Утром рано вставать. И сразу навалилась зевота. Что же, груда камней на столе и впрямь оказалась к месту. Во всяком случае, в сон Виталий провалился, как в глубокую черную яму, и никакие лишние мысли его больше уже не тревожили.

Утро добрым не бывает, особенно если оно начинается в шесть, а ты поздно лег и вообще любишь поспать. Но – увы, увы… Пришлось делать обязательную утреннюю пробежку с собакой, в спешном порядке собираться, вспомнить, что забыл побриться, в результате выйти чуть позже обычного и попасть в самый час пик. Так что в университет Виталий приехал, едва не опоздав, а потом еще две пары подряд с тоскливым видом наблюдал за вечно сонными рожами студентов.

И ведь попробуй сейчас голос на них повысь, с внезапной злостью подумал Виталий. Живо начнут писать жалобы да в суд подавать. Ему-то что, а каково тем, кто здесь на постоянной работе? Вон, недавно один, этажом выше, попробовал остроумием блеснуть. У него студент число в квадрат возводил умножением на два. Ну, преподаватель у него и спросил:

– Почему ты не учишь математику?

А недоросль губу оттопырил и цедит:

– Мама говорит, что я гуманитарий.

– То есть знаешь три иностранных языка и французскую литературу?

– Н-нет…

– Какой ты гуманитарий, ты просто дурак.

И все, понеслось. Жалобы на оскорбление и прочая чушь. Хотя какое тут оскорбление? Голая правда. Конечно, не самым грамотным образом преподнесенная, планку таким дятлам опускать надо так, чтобы придраться не могли. Но все равно от этого правдой сказанное быть не перестало. И ведь не выгонишь их – сейчас вместо того, чтобы выпускать пускай немного, но профессионалов, политика требует, чтобы шел вал недоучек. Маразм. Впрочем, с теми, кто до этого довел, разговор еще будет. Не здесь и чуть позже… Настроение, как всегда, немного улучшилось в промежутке между занятиями, когда народ собрался на традиционное чаепитие. Откровенно говоря, кафедральные девицы готовы были гонять чаи с утра и до вечера, вот только заведующий кафедрой, мужик справедливый, но в общении тяжелый, этого пристрастия не понимал и живо пресекал, заставляя несчастных женщин работать. Ну, или хотя бы делать вид, что работают.

По мнению Виталия, с отцом-командиром солидарного, им бы всем здесь не помешала небольшая встряска с разгоном балласта на пенсии. А то бабье вечно что-то имитирует. Говорят, что почти семьдесят процентов женщин имитируют похудение, здесь же сто процентов лаборантов имитировало работу. Но, увы и ах, не все так просто в этом мире. Учитывая же, что Виталий здесь не работал, а так, подрабатывал, он со своими советами не лез – дешевле обойдется.

Но огромные плюсы у чаепитий все же были. Во-первых, в женском обществе находиться вообще приятно (это если ты ни с кем не конфликтуешь, разумеется), во-вторых, начальство оказалось в командировке. Пускай оно тебе вроде как постольку-поскольку, но все равно его отсутствие малость расслабляет и способствует неформальному общению. Посидишь здесь

несколько минут – и точно будешь в курсе всех городских новостей и сплетен. Этим утром разговоры закономерно крутились вокруг ночного пожара. Город маленький, особых событий нет, так что удивляться нечему. Оставалось держать уши открытыми и впитывать информацию.

Ее, кстати, было не так уж и много, в основном невнятные слухи агентства ОБС[1 - ОБС – одна бабка сказывала (сленг 80-х).]. Тем не менее кое-что Виталий из потока словесного мусора выловить сумел. Во-первых, пожар начался на втором этаже (Виталий мысленно сделал стойку – квартира Петровича располагалась именно там). Во-вторых, загорелось все и сразу, как бензином облитое. Ну, с этим можно было еще и поспорить – дому много лет, все сухое, и безо всякого бензина гореть будет как порох. Но это уже детали, главное, погибнуть там и впрямь можно было легко.

А вот о причинах пожара версий хватало. Разных, от неисправной электропроводки (которая, несомненно, и будет принята полицией, ибо дом старый, проводка – тоже, а «висяк» никому не нужен) до поджога, устроенного какими-нибудь риелторами для захвата ценной земли со всеми коммуникациями, да еще и практически в центре города. И, пожалуй, единственное, что бросалось в глаза только Виталию, это полное отсутствие даже намека на информацию о погибших. А уж ее-то наверняка стали бы, с приличествующими ситуации охами-вздохами, мусолить в первую очередь. Очень похоже, что скелеты пока не нашли, и это было странно – наверняка разбирать развалины начали сразу после того, как пожарные закончили работу. Не такая уж там высокая была температура, чтобы тела сгорели вместе с костями.

Когда новости уже начали обсуждать по второму кругу, в дверь без стука впорхнула худощавая девица лет двадцати пяти. Не студентка – те дрессированные, вначале стучатся, потом осторожно заглядывают, спрашивают, можно ли войти. Эта вошла уверенно и имела на то все основания – как-никак тоже в университете работала, на кафедре физвоспитания. И ее появление здесь было обыденным, как восход или закат. Опять пришла, небось, за кого-то из подопечных спортсменов просить…

Предположение Виталия тут же подтвердилось. Девушка полезла в изящную, хоть и малость потрепанную сумочку, извлекла здоровенный, не всякому мужчине по руке, смартфон, ловко потыкав в него пальцем и найдя нужную информацию, громко спросила:

– Могу я видеть Третьякова Виталия Семеновича?

Все синхронно посмотрели на Виталия. Тот, усмехнувшись, пожал плечами:

– Можете видеть, а можете и не видеть. Все зависит от того, в какую сторону вы смотрите.

– Это вы? – девица смотрела на него едва не обвиняюще.

– Для начала: воспитанные люди, когда заходят, здороваются. Вас папа с мамой, наверное, не учили, но еще не поздно, пусть займутся.

Намек был прозрачный – и на отсутствие воспитания, и на то, что она сопля. Девчонка вспыхнула:

– Здрас-сте…

– А еще они представляются. А то ходят тут всякие, а потом ложки пропадают.

Девчонка вспыхнула еще сильнее. Спичку поднеси – сразу полыхнет. Но сдержалась – видимо, цинично подумал Виталий, он ей очень нужен. И наверняка знала: то, что проходило с другими, здесь не прокатит. Виталию и на нее, и на ее заведующего кафедрой плевать с высокой колокольни. И в каких отношениях тот с ректором, тоже плевать. Так что сдержалась и, гордо вскинув голову, представилась:

– Саблина Виктория… Тихоновна. Старший преподаватель кафедры физвоспитания.

Вот так, показать, что и она не только что с пальмы слезла. Виталий с трудом сдержал улыбку, до того это выглядело забавно:

– Очень приятно. Третьяков. Чем могу быть полезен?

– Виталий… э-э-э… Семенович. У меня к вам вопрос. У вас учится студент по фамилии Йованович. И вы не принимаете у него экзамен. Могу я узнать причину?

– Йованович? Да, дурацкая фамилия, помню такую.

– Он серб.

– Да хоть китаец, – зевнул уже потерявший интерес к разговору Виталий. – Я эту фамилию только в ведомости и наблюдал. И ни разу – на лекции. Еще вопросы?

– Но он у нас учится по…

– Девушка, успокойтесь, не стоит так нервничать. Я прекрасно вижу, что вы ни в чем не виноваты, что на вас вышел международный отдел, которому за этих умников платят валютой. Мне – не платят, так что сами они на меня выйти постеснялись, припахали вас. Поскольку он, скорее всего, еще и спортсмен, так?

– Баскетболист, – Саблина чуть расслабилась.

– Хороший? – сочувственно поинтересовался Виталий.

– Очень. Он нашу команду, университетскую, буквально с колен поднял.

– Видите, как здорово. Теперь готовьтесь, что или они сами играют, или пускай наколенники покупают.

– Зачем? – очевидно, сочувствующие интонации и смысл настолько не совпадали, что девушка не сразу поняла издевку.

– Ну, чтоб обратно на колени вставать не так больно получилось. Поскольку ваш серб с невыразительной фамилией, конечно, может оказаться семи пядей во лбу и знать мой предмет от и до, я допускаю, что экзамен он сдать в состоянии. И я готов его принять, мне все равно, какая у него посещаемость. Но прежде чем выходить на экзамен, ему надо сделать восемь лабораторных работ и написать курсовик. Все это – мне, и торчать ради него лишнее время в этих стенах я не собираюсь. За оставшуюся до приказа неделю он физически не успеет выйти на экзамен. Еще вопросы?

– Павел Александрович…

– Мнение вашего заведующего ценно для всех, я верю, – благосклонным кивком головы прервал ее Виталий. – Но мне как-то важнее мое, личное. И ректором меня тоже пугать не стоит. Надо это ректору – пусть он и ставит, а я посмотрю, как сей процесс будет выглядеть. И поскольку заведующий в командировке, через мою голову поставить тоже не получится. Еще вопросы?

– Вы…

Это «вы» получилось громким. Прямо крик души. И, естественно, Виталий не мог пройти мимо такого громкого обстоятельства.

– Я, я, натюрлих. И вообще, девушка, не надо кричать, вы не в постели. Понимаю, что вам хочется выглядеть перед своим подопечным всемогущей, но, увы, ничем не могу помочь. Я вон тоже хочу быть богом. Или хотя бы святым. Но – не получается никак. Очень женщины отвлекают.

За спиной раздались плохо скрываемые смешки – кафедральные барышни, похоже, наслаждались тем, как происходит отлуп вконец обнаглевших спортсменов. Саблина, очевидно, тоже сообразила, что здесь ей светит оказаться в роли разве что груши для оттачивания и без того острых языков, круто развернулась и, не прощаясь, выскочила из кабинета. Удивительно, как ей удалось изобразить грохот каблуков даже в мягких кроссовках.

Виталий с легким сожалением посмотрел ей вслед и вернулся к чаю – обычная словесная перепалка, не в первый раз его пытаются уговорить, застращать или еще что. Не получалось – для того, чтобы давить на человека, который нужен университету больше, чем университет ему, требуется хороший крючок. И ни физруки, ни международный отдел его не имели.

Повернувшись к продолжавшим посмеиваться лаборанткам, он погрозил им пальцем:

– Девушки (кое-кто из этих «девушек» уже давно числился в рядах бабушек, но такова уж судьба лаборантов, по имени-отчеству к ним мало кто обращается), угомонитесь. В конце концов, эту малолетку натурально подставили. У них на кафедре отлично знали, что просить меня бесполезно, вот и послали самую молодую.

– Может, хотели, чтоб она тебя соблазнила? – хихикнула Ольга, числящаяся старшим лаборантом и давно заслужившая статус «аксакал, можно сказать, саксаул».

Виталий безразлично пожал плечами:

– Может быть. Хотя в этом случае могли бы выбрать крокодила и посимпатичнее, – и, переждав новую порцию смешков, встал. – Но вообще, ножки у нее очень и очень.

– Ну так! Гимнастка как-никак, вроде бы даже на Европе выступала.

Виталий подивился такой осведомленности, но развивать тему не стал. Пора было идти на занятие. Еще одна лекция – и все, домой! Выспаться, наконец!

Но кафедральные дамы не желали оставлять его в покое.

– Слушай, – Ольга изобразила свою фирменную улыбку. – Ты когда жениться-то собираешься?

– А зачем? – по-еврейски, вопросом на вопрос, ответил Виталий.

– А мы, может, на свадьбе погулять хотим.

– Ну, так хотите, я ж не запрещаю.

– А в самом деле. Ты ж красавец-мужчина! На тебя девки, небось, западают.

– Поправка: я – бывший красавец-мужчина, возраст не тот уже. Так что правильнее будет говорить «западали».

– Ой, да ладно тебе. Вон, Зоя из деканата тобой каждый раз, как звонит, интересуется.

– Зоя не ходила в тренажерный зал, потому что в двери зад не пролезал, – съязвил Виталий и, не дожидаясь возмущенных комментариев, выскочил за

дверь.

Очень ему надо жениться, как же. А вот на занятие опаздывать не следовало.

Тот, кто говорит, что самый приятный звук в мире – это смех ребенка, никогда не слышал, как банкомат отсчитывает деньги. Главное, чтобы звук этот длился и длился – стало быть, и денег много… Но сейчас он прошелестел коротко и выплюнул пару тысячных купюр с каким-то даже брезгливым звуком. Виталий понимающе ухмыльнулся: все верно, много наличных таскать он не любил. Надо будет – картой расплатится, а эти – так, на текущие расходы.

Текущие расходы нашлись сразу же – машина жрала бензин не хуже пылесоса. Конечно, у бензинового атмосферника куча плюсов, один из которых – нормальная работа в мороз, когда соляр густеет и с трудом ползет от бака до двигателя.

В их климате этого уже достаточно, чтобы сделать выбор при покупке, но одного у дизелей не отнять: кушают они, как ни крути, почти вдвое меньше. Как представишь это – так и начнет тебя душить жаба. Впрочем, Виталий не жаловался. Вслух – уж точно.

Короткая, в три машины, очередь, обменять у кассирши деньги на чек, вставить заправочный пистолет в горловину… На все про все от силы десять минут. Давным-давно привычные действия, проходящие как-то даже мимо сознания. И сильное, вплоть до дерганья рулем, удивление, когда, только отъехав от заправки, Валерий услышал за спиной:

– Не дергаться! Ехать прямо!

То, что голос был женский, да вдобавок дерганый, с нотками испуга, эффект неожиданности не сгладило. Как бы не наоборот. Подпрыгнуть сидя, без помощи ног, усилиями одной задницы… Специально не получится, а тут аж головой по потолку слегка звезданулся. Однако же управления не потерял, а дорога была почти пустая, так что, хотя машина и вильнула, ничего страшного не произошло.

Короткий взгляд в зеркало.

– Катя, ты? Живая?

– Живая, живая, – в голосе проскочили едва заметные ворчливые нотки. Что же, главное, не истерит. – Поехали.

– Куда?

– К вам. Если не боитесь, конечно.

– Не боюсь. Мать где?

– Не знаю. Пожалуйста, не надо сейчас. Я потом все объясню. И извините, мне не к кому больше идти.

Через полчаса, когда они сидели в гостиной холостяцкой квартиры и пили кофе, девушка рассказала, что все же произошло вчера ночью. Почти сразу после того, как она позвонила Виталию, к ним в квартиру вломились какие-то люди в масках. Кто? Хрен их знает. Такие украшения для лица и камуфляж таскает и всевозможный мелкоэлитный спецназ, которого ныне будто грязи, и бандиты, опять же, мелкие. Их вроде бы вычистили давно, однако мало ли… Да и вообще, напялить чулок на голову могут все кому не лень. Причем дверь, что характерно, открыли своим ключом (или отмычкой, сделал в голове зарубку Виталий), не потревожив хозяев раньше срока. Ну а дальше – классика жанра. Правда, жанра отечественного, без английской утонченности или американской изобретательности. В смысле никакого тебе хлороформа, а просто кулаком в лицо. Хорошо еще, матери не было – попала в больницу. После смерти мужа сердце начало болеть. В кои-то веки серьезная болячка стала удачей, но зато дочери пришлось отдуваться за двоих.

Катерину долго расспрашивали о каких-то бумагах, но ответить она не могла – просто не знала, о чем речь, и даже несколько пинков по ребрам ситуацию не изменили. Тогда нападавшие обшарили всю квартиру, перевернув ее буквально с ног на голову, после чего некоторое время спорили, что делать с женщиной. Кто-то предлагал просто уйти, кто-то – грохнуть ее за ненадобностью, но, как это часто бывает, сошлись на компромиссном варианте: уволокли ее с собой, запихнули в машину и увезли. Больше Катерина ничего не знала.

Позже ей, словно в голливудском кино, удалось сбежать. Как? Да просто, в общем-то. Те, кто их вывозил, запихнули девушку в багажник самой обычной «копейки». Таких машин по дорогам страны все еще бегает немало, стоят они меньше, чем можно выручить, продав их на металлолом, так что выбросить-спалить не жаль, и внимания не привлекают. Но есть у них одно слабое место, о котором, правда, знают немногие. Катерина, все детство хвостиком бегавшая за отцом и возившаяся с ним в гараже как раз вокруг подобного агрегата, знала.

Замок багажника у «копеек» имел не то чтобы дефект, а так, одну милую особенность. Если правильно толкнуть крышку, она открывалась самостоятельно, без ключа. Разумеется, делать это проще было снаружи, чем изнутри, в темноте, тесноте и парах бензина, но Катя справилась. Наверное, со страху. Крышка открылась, скорость была небольшой, и она сиганула на дорогу, а с нее бросилась в лес, благо начинался он от дороги в жалком десятке метров. Искать же человека в лесу, в темноте и без собак – занятие неблагодарное.

Утром, сильно замерзшая (тонкого свитера в конце сентября оказалось явно недостаточно), она кое-как вышла к дороге аккурат возле бензоколонки. Думала отсидеться возле гаражей, которые стояли буквально в нескольких метрах, и какое-то время даже честно этим занималась, но тут подрулил Виталий на своем пепелаце, и девушка, не долго думая, рискнула, благо стояла машина удобно. Наверняка попала в поле зрения камер, но, судя по тому, что тревогу никто не поднял, работники заправки на экраны не слишком смотрели.

Да уж, возможно, и так. Тем более что под глазом имелся подтверждающий ее слова шикарный бланш, да и на теле синяки – тоже. Во всяком случае, девушка не стала корчить из себя недотрогу и задрала свитер, показав следы, подозрительно смахивающие на те, что оставляют ботинки. Правда, насколько смог понять Виталий, били Катерину сильно, но неумело. Впрочем, это были только его домыслы, все же профи в этом деле он никогда не был.

Кстати, свитер был его собственный – длинный, точнее, растянутый, даже высокой Катерине доходящий почти до колен, толстый и теплый. Ее собственная одежда грудой валялась на полу в прихожей, мокрая и воняющая. И вопрос, что теперь делать с гостьей, стоял во весь рост. Но прежде следовало уточнить еще один момент.

– Вот ты скажи мне… – Виталий сделал паузу. – Почему ты мне звонила? Что случилось?

– Мне тоже звонили… Много раз. Звонили и требовали отдать бумаги.

– Какие?

– Не знаю… Да не знаю я! Что вы на меня так смотрите?

– Ну-ну, спокойно. Просто не понимаю.

Спокойный тон в зародыше подавил начинающуюся истерику, и Катерина, справившись с ней, пояснила:

– Я действительно не знаю. Просто отец, когда еще только заболел, сказал, что если случится что-то по-настоящему серьезное, то обратиться стоит к вам.

– Вот как? – Виталий удивленно поднял брови.

– Ну да. Он считал вас человеком, которому можно доверять и который не откажет. Говорил, что купить вас слишком дорого, а запугать не получится.

Что же, Петрович и впрямь неплохо знал Виталия. Не один год вместе проработали. И знал, что долги его бывший ученик отдавать умеет. Пусть так.

– Ладно. Овощ в помощь.

– В смысле?

– Хрен с тобой. Остаешься у меня. Места хватит, – он прихлопнул ладонью по столу. – Ты лучше скажи: до твоей матери не доберутся?

– В Питере?

– То есть? – не понял Виталий.

– Да у нее давно была запись на лечение туда, как раз срок подошел. Ну и…

Да, стоит признать, удачно совпало. Если болезнь вообще можно считать удачей. Разумеется, при допущении, что на Катерину и впрямь наехали дилетанты, которым непонятно что потребовалось, то до Северной столицы они не доберутся. Если же, наоборот, кто-то чрезмерно хваткий, замаскировавшийся под мелких гопников, то разницы нет. Везде достанут, и на этой квартире, кстати, тоже. Рискованно, черт возьми. Но сдавать назад категорически не хотелось…

А еще было в этой истории пару моментов, которые Виталию не нравились категорически. Впрочем, об этом говорить пока было рано.

Жить нужно так, чтобы депрессия была у других. Увы, эти самые другие с такой постановкой вопроса часто бывают не согласны и начинают вносить в твои планы коррективы, причем, как это иной раз случается, из самых лучших побуждений. В этот раз индикатором такого вмешательства послужил телефонный звонок, раздавшийся аккурат под ухом и буквально выдернувший Виталия из объятий Морфея. А так как просыпаться он любил неспешно и плавно, желательно повалявшись в постели, то нынешнее пробуждение удовольствия однозначно не доставило.

Некоторое время Виталий настороженно смотрел на заливающуюся веселым писком трубку. После недавних событий телефонные звонки у него восторга не вызывали. Однако аппарат упорно не унимался. Пришлось взять, посмотреть на номер… Опять незнакомый! И не мобильный, кстати, но какому городу он принадлежал, вспомнить упорно не получалось. Осторожно, будто в руках у него была готовая взорваться мина, Виталий нажал на кнопку и поднес аппарат к уху.

– Слушаю!

– Привет! Ты что там, спишь, что ли? Вставай давай, соня!

Голос был женский. Знакомый. Ассоциирующийся только и исключительно с приятными моментами в жизни. Виталий перевел дух.

– Привет! Какими судьбами?

– Финансовыми, естественно. Ты сейчас дома?

– Ага. Дней через десять уеду.

– Меня это устраивает. Послезавтра прилетаю, встречай! У тебя можно будет остановиться, или жена приревнует?

– Нет у меня жены, ты же знаешь…

– Вот и отлично! Короче, будет тема. Приеду – объясню. Пока-пока…

И отключилась, зараза! Виталий хмыкнул. Потом, кряхтя, сел на кровати. Все, придется вставать. Рановато, конечно, однако же и ложиться смысла уже нет. Так что пришлось вставать, шлепать в ванную и уже там, принимая утренний душ, задумываться, с какой целью он, собственно, потребовался. В голову ничего, как на грех, не приходило. Не считать же… гм… Но ради этого женщины на край света уж точно не поедут.

А вообще, конечно, интересно жизнь поворачивается. Прошлым летом случился с ним эпизод. Поехал отдыхать и разнообразия ради выбрал Крым. Ну и как же можно побывать в Крыму, не посетив винные заводы? Вот там, в Массандре, и случилась эта история.

Ах, Массандра, Массандра… Старое, пережившее все катаклизмы здание. Массивные, потемневшие от времени двери. Огромные винные подвалы, в которых зреет и хранится вино… Совсем не то, кстати, что продают в обычных магазинах. Дегустационный зал, длинный, уставленный рядами широких деревянных столов, давал возможность в этом убедиться.

Вина, которые тогда подавали, могли удовлетворить и куда более притязательный вкус, чем у Виталия. Тем не менее нашлись недовольные, и оказалось их на удивление много. Не вином недовольные, а организацией процесса, точнее, его технической частью. То ли от влажности начали искрить провода, то ли еще что, но проблемы и впрямь возникли. Девушка-экскурсовод говорила в микрофон положенные слова, но более-менее нормально слышно ее было лишь тем, кто сидел поблизости. Дальше динамики хрипели, и разобрать смысл сказанного оказалось достаточно проблематично. Впрочем, группа Виталия села удачно, а проблемы других людей – только их проблемы.

Веселье началось, когда дегустация, собственно, уже подошла к концу, и народ потянулся к выходу, дабы попасть в фирменный магазин, расположенный в другом крыле здания, и хорошенько затариться гордостью местных виноделов. Ну а те, у кого возникли какие-то вопросы, и Виталий в том числе, направились к экскурсоводу.

И тут выяснилось, что до нее добраться весьма проблематично. Толпа вокруг девушки собралась внушительная, и, судя по визгливо-агрессивным голосам, у экскурсовода были неприятности.

Вообще-то Виталий в жизни был человеком достаточно мирным, но сейчас его потянуло на подвиги. А потому, включив режим хама, он двинулся вперед, усердно оттаптывая ноги тем, кто не успел убраться с дороги. Некоторые возмущались, но, увидев массивную фигуру и наглое лицо обидчика, предпочитали не связываться. Сейчас это было на руку.

Усердно работая локтями, он пробился к эпицентру конфликта. Активно жестикулирующие там пенсионеры вряд ли, конечно, могли представлять реальную угрозу для девушки, но, судя по резким, раздраженным голосам, очень старались.

– Вы вообще понимаете, что мы заплатили за это деньги?

Невысокий, но крепко сбитый мужичок, выставив свое внушительное брюхо, подобно корабельному тарану, напористо пер вперед, словно престарелый, но не желающий понимать это боевой петух. К счастью, разделяющий его и жертву стол был достаточно массивен, чтобы сделать бесполезными попытки его сдвинуть, и достаточно высок, чтобы не позволить даже родиться мысли его перепрыгнуть.

– Но при чем тут я? – вяло отбивалась жертва.

– А кто? Где ваш начальник?

– Время уже нерабочее…

– А мне какое дело? Вы что, басы у микрофона настроить не можете?

– Вы что, не понимаете, что я ничего не слышала? – в унисон ему верещала бабулька интеллигентной наружности, но с манерами рыночной торговки. – Сплошной гул! Верните деньги! И я всем своим знакомым скажу, чтобы не ездили сюда!

Еще трое или четверо поддерживали этих скандалистов, хоть и не слишком внятно, остальные смотрели на ведущую, скорее, сочувственно, однако вмешиваться не спешили. Вероятнее всего, их раздражал тот факт, что им не дают задать вопросы, а времени осталось не так уж и много.

Откровенно говоря, раздражение наезжающих было понятно – они и впрямь заплатили деньги, а отвратительное качество микрофона действительно не улучшало восприятие. Но при чем тут эта соплячка? Она – не технический персонал, а говорящая голова. Что дали – с тем и работает. Поэтому оставалось лишь поступить, как джентльмен, тем более что дегустация прошла успешно, а алкоголь снял лишние тормоза.

– Девушка, – повернулся он к старухе. – У вас чрезмерно высокий голос, он режет мне уши. Снизьте звук, пожалуйста.

Явно не ожидавшая от прилично одетого и веселого на вид мужчины таких слов бабка «зависла», отчаянно пытаясь найти достойный ответ. Как раз настолько, чтобы осадить бойкого старикана:

– А вы перестаньте давить на экскурсовода. Она все равно в басах не разбирается, ее дело – сказать, и все. Хотите – ищите кого-нибудь из техников.

– Да ты кто такой?

– И главное, – не обращая внимания на возмущение оппонента, продолжал он, – кончайте тешить свои комплексы, молодости вам это не вернет и стрелки с полшестого не поднимет.

– Я уже давно не девушка, – похоже, пока боевой пенсионер выходил из шока, к бабке вернулся дар речи.

– Это только ваши проблемы. И вообще, в эпоху моей молодости этим не хвастались.

Пока ошарашенная вторично пенсионерка искала слова, Виталий ловко подхватил экскурсовода под локоток и буквально утащил слабо трепыхающуюся девушку прочь. Вот так они и познакомились. До курортного романа, правда, не дошло по причине возвращения Виталия к родным пенатам, но созванивались они периодически. И вот, дама едет в гости. Интересно только, почему номер не тот, что обычно?

– Кто это был?

Виталий повернулся, окинул взглядом стоящую на пороге Катерину. Закутанная в плед, не накрашенная, волосы со сна дыбом стоят – и все равно симпатичная. Будь он чуть помоложе… Впрочем, ерунда это все, годы ушли, их уже не вернуть, так что нечего тратить время на размышления о ерунде.

– Знакомая. В гости приезжает.

– Я… буду мешать?

– Ты? – Виталий рассмеялся. – Чушь. Лучше иди, свари кофе. Все равно заснуть уже не получится.

Пока гостья на кухне гремела посудой, Виталий быстро выбрался из-под одеяла и оделся. Увы, годы берут свое, и к внушительным габаритам добавился еще и лишний вес. Небольшой пока что, но лиха беда начало. По большому счету Виталию было наплевать, однако лишний раз демонстрировать недостатки фигуры перед дамой совершенно не хотелось.

Вчера это создало даже некоторое неудобство. Сидели-то они весь остаток дня и вечер. Катерину пришлось отпаивать самогонкой, благо этого продукта, чистого, как слеза, и куда более качественного, чем любой коньяк, хватало. Родственники и знакомые почему-то дружно решили: обожает господин Третьяков этот напиток. Вот и несли бутылку за бутылкой, и скопилось его преизрядно. Что же, пускай будет, когда-нибудь да пригодится. Вот как сейчас, например, барышню из шока выводить. Без особого светского лоска, зато эффективно.

Вообще, хотелось сдать ее в полицию, да и делу конец. Пускай органы разбираются. Увы, девушка закатывала глаза и бледнела, отпихиваясь от помощи органов руками и ногами. Виталий ее даже понимал, все же слухи про отечественное МВД ходят разные. Понимал – но не одобрял. Потому хотя бы, что отказ от столь простого и логичного решения означал: возиться с проблемами Катерины придется ему, лично. Не бросать же ее, как-то нехорошо получается. Даже не учитывая тот факт, что он должен Петровичу самую малость – жизнь…

– Кофе готов! – раздался с кухни жизнерадостный голос.

Оклемалась девчонка. Ну что же, замечательно. Может, удастся ее все же убедить обратиться в полицию. Ополоснув лицо холодной, аж зубы стыли, водой из-под крана, Виталий решительно направился к главному помещению квартиры. Хотя бы уже потому, что там стоял главный предмет интерьера – холодильник.

Помимо ящика с морозом там же размещался еще один, призванный давать пищу духовную, а на деле гонящий всякую пургу. Вот и сейчас по телевизору крутили нечто, призванное демонстрировать окружающим жизнь высшего общества. Правда, у Виталия оно упорно ассоциировалось с тем, что раньше называли полусветом, однако мало ли что он считает. Сам Виталий в это не лез, хотя и мог бы, чего уж там.

– Ну, что у нас тупого? – поинтересовался хозяин, кивнув в направлении экрана.

– Да всякое, он у меня для фона. – Катерина сделала вид, что творящееся по ту сторону экрана ее совершенно не интересует, но глаза, невольно косящие на телевизор, выдавали девушку с головой и с ушами.

Виталий занудно, как он это умел, прокомментировал:

– Молодой и красивой барышне незачем интересоваться бандитскими разборками.

– В смысле?

– Запомни, если по телевизору показывают одного-двух воров, то это криминальная хроника, а если больше, то светская. Что мы, собственно, здесь и наблюдаем.

Смешок Катерины получился каким-то нервным. Бывает, все же человеку озвучили то, что он и так знал, только боялся в этом признаться. Тем не менее она попыталась возразить:

– Ты и впрямь думаешь, что там одни бандиты?

– Ну почему же только бандиты? Есть еще те, кто их крышует.

– Почему…

– Потому что слишком быстро разбогатели, – отрезал Виталий. – Честным путем быстро и легко можно получить только по шее. На остальное нужны терпение и прилежание. Если же человек взлетает без разбега на орбиту, значит, что-то здесь нечисто.

Катерина промолчала, да, впрочем, ее мнение не слишком волновало сейчас Виталия. Куда важнее была необходимость вывести гулять собаку, так что с импровизированным завтраком он разобрался мигом. Кружка кофе (помнится, какая-то из его мимолетных подруг, свихнувшаяся малость на этикете, при виде этих емкостей многозначительно поджимала губы, но привить Виталию хорошие манеры так и не смогла), бутерброд – и вперед, в атаку! Когти собаки, которые по-хорошему давно надо было остричь, громко зацокали по ступеням, и вот уже она благополучно поливает какой-то кустик, в то время как ее хозяин ежится от утреннего ветерка.

– Здравствуйте, дядя Витя…

– И тебе не болеть, – Виталий приветливо кивнул девочке из соседнего подъезда. С ней они постоянно раскланивались, ибо выгуливали своих питомцев в одно и то же время.

Девочка прошествовала по двору с гордым и независимым видом. Три года назад все жители дома, кто втихую, а кто и в голос, смеялись, когда она выгуливала на

редкость несуразного щенка. Кстати, тогда они с Виталием и познакомились – он тоже только-только приучал свою псину ходить в туалет в кустики, а не на ковер. И он единственный был, кто не смеялся – знал, кто вырастет из питомца соседки. А остальные не знали…

Сейчас девочка гуляла в любое время дня и ночи, двумя пальчиками чуть придерживая за ошейник зверюгу, голова которой была как раз на уровне плеча двенадцатилетней соплюшки. Нескладный щенок вырос в кавказскую овчарку весом под сотню кило, и те, кто раньше хихикал, боязливо жались к стеночке, при том что пес еще никого не покусал. Больше того, он ни на кого еще даже не гавкнул, и Виталий немного сомневался, умеет ли этот гигант вообще лаять.

– Эй, мужик…

Виталий обернулся и удивленно поднял брови. Надо же, тот шустрик, которого позапрошлым вечером его собака шуганула. Если бы не голос, и не узнал бы – какой смысл запоминать всякую мелочь…

– Чего тебе, мальчик?

– Ты че, оха…

Договорить сопляк не успел. Виталий сделал то, чего не ждут от солидного мужчины в деловом костюме. Он просто врезал парню в челюсть, благо руки в перчатках, и повредить их о чужие зубы не опасно. А куда деваться? Так учили. Посмотрел, как грохнувшийся на обледенелую землю парень неловко пытается встать на разъезжающиеся ноги, и презрительно усмехнулся:

– Если я не вижу мозга, это не значит, что я не замечу его отсутствия, – наставительно заметил он. – И вправлю жалкие остатки. Еще раз в этом дворе увижу – башку откручу. Пшел отсюда!

– Да я…

Очевидно, мозги этого чучела располагались далеко от головы, и потому сигнал от поврежденной челюсти до них еще не дошел. А может, просто он думает спинным мозгом? Если так, долг любого человека – помочь донести до ближнего

важную для здоровья мысль как можно скорее. А потому последовал увесистый пинок. И те, кто говорят, что удары по заднице обидны, но не особенно болезненны, просто не знают, куда бить. Дошло – заткнулся и скрючился. Давно бы так…

Эта тупейшая стычка странным образом подняла настроение, так что на работу Виталий приехал в отличном расположении духа.

Увы, хорошее настроение – штука недолговечная. Слишком легко его разрушает даже малейший стресс. А главная причина стресса – ежедневный контакт с идиотами. К последним же относится, в первую очередь, начальство, спросите любого клерка – подтвердит. В ситуации, когда начальство тебе ничего по-настоящему сделать не может, но искренне верит, что имеет право командовать, идиотизм ощущается вдвойне. Собственно, именно это сейчас и произошло.

С самого утра начались звонки. Вначале от заведующего кафедрой физвоспитания, который очень грозно и значительно поинтересовался, почему недостойный представитель рода преподавателей не ставит оценку столь замечательному представителю братского народа Сербии… Ну и так далее, по тексту. Когда Виталию надоело слушать этот бред, он демонстративно зевнул (с той стороны телефона не видно, однако звук наверняка дошел, да и кафедральные девицы лишний раз получили повод для сплетен) и сказал:

– Павел Александрович, может показаться, что я ничего не делаю, но на клеточном и молекулярном уровне я очень занят. Настолько, что свой лимит времени вы исчерпали. До свидания.

– Чего?

– Ну, могу сказать «прощайте». Но ведь все равно столкнемся в каком-нибудь коридоре.

– Я не привык, когда мне говорят «нет».

– Что же, привыкайте. Адью.

С этими словами Виталий сбросил вызов и покрутил головой. Рождает же земля дятлов. И ведь наверняка на том дело не закончится…

Он как в воду глядел. Позвонил их собственный заведующий. Этот, правда, исключительно для галочки – попросили, отказываться недипломатично. С другой стороны, бесполезность давления на Виталий он понимал и потому ограничился дежурным «я бы вам рекомендовал». Затем был международный отдел, посланный вежливо, но непреклонно. Декан… Этот, к счастью, не горел желанием вмешиваться, блатные студенты-международники и ему были поперек горла. Наконец, проректор по учебной работе. Данный индивидуум момента, когда следует остановиться, не понял. В результате Виталий открытым текстом сообщил ему, что он, может, в своем болоте лягушка большая и квакает громко, но со скалы его не видать и не слыхать. Проректор обиделся. Настолько обиделся, что собеседники обменялись нецензурными фразами. В общем, получилось весело. И вдобавок, не прошло и пяти минут, как в двери его кабинета постучала давешняя фифа-спортсменка.

– Здравствуйте, Виталий Семенович.

– А это что за Барби на стероидах? Виктория Тихоновна, вы? Ну, входите, слушаю вас внимательно.

– Павел Александрович сказал мне подойти к вам. Говорил, что уладил наш вопрос.

– Ваш вопрос он, может, и уладил, – как раз в этот момент зашипел и щелкнул выключателем чайник. Очень вовремя, это позволило хотя бы отвернуться и чуть отвлечься, а то и сам Виталий уже находился в состоянии, близком к точке кипения. – А вот я при чем, не пойму до сих пор.

– Но…

– У вас пять минут, чтобы внятно сформулировать свой вопрос. Потом, уж извините, у меня начинается пара.

– Виталий Семенович, скажите, почему вы так настроены?

– Как? – Виталий щедрой рукой сыпанул в кружку кофе.

– Ну… так отрицательно. Нет, предвзято.

– Лично к вам, девушка, у меня нет ни отрицания, ни предвзятости. Кстати, хотите кофе?

– Хочу.

– Тогда вот дежурная кружка. Чистая, не бойтесь. Ложка, кофе, сахар. Вода. Займитесь самообслуживанием. Так вот, лично против вас я ничего не имею. Думаю, будь я годков на десяток моложе, попытался бы даже с вами пофлиртовать.

– Смелое заявление. Особенно учитывая, что вы меня видите второй раз в жизни.

– Девушка, в моем возрасте достаточно посмотреть на женскую коленную чашечку, чтобы представить себе весь сервиз. Но мы отвлеклись. Так вот, я ничего не имею лично против вас, но я категорически против того безобразия, которое творится в нашем заведении. Мы выпускаем специалистов… теоретически. На практике же, с учетом того, что ситуация вроде нынешней стала дурацкой обыденностью, наш университет превращается в посмешище. Надеюсь, я лично вас не обидел?

– Лично меня – нет, – девушка забренчала ложечкой. – Но ведь не только я считаю, что так будет лучше для всех. Те, кто занимает должности куда выше, чем вы…

– Знаете, за что я уважаю русский язык? Да за то, что он мудрый. Скотину считает по головам, а руководство – по членам.

– Вам не кажется, что это отдает маразмом? Помните старое? Весь взвод идет не в ногу, и только прапорщик в ногу?

– Изящно укололи, – Виталий прищурился. – А ведь это уже практически не звучало даже во времена моей молодости. Откуда знаете?

– Отец – бывший военный. Как примет на грудь, так и начнет сыпать афоризмами.

– Гм… Скажите, Виктория Тихоновна, только честно. Вы отрабатываете начальственный посыл, или вам самой по какой-то причине надо, чтоб этот братушка получил свою оценку?

– Если честно, мне было сказано, что это важно для нашего университета.

– Маразм. Давайте его зачетку. Будете должны.

– Что?

– Еще не придумал…

День оказался безнадежно испорчен. К тому же четыре пары – это большая нагрузка даже для профессионального преподавателя. Для совместителя же, не привыкшего молотить языком столько часов практически без остановки, и вовсе штука запредельная. Неудивительно, что домой Виталий приехал выжатый, словно лимон. И преувеличенно-бодрый голос Катерины заставил его болезненно сморщиться.

Немного примирило с ситуацией то, что ужин оказался приготовлен, а скопившееся за прошедшие дни белье аккуратно поглажено. Вот только голова с каждой минутой болела все сильнее, и потому, выгуляв собаку и перекусив, Виталий завалился спать. Только для того, как оказалось, чтобы ночью вскочить и броситься во двор. Туда, где ярко горела его машина.

– Скоты, одно слово, – именно так спустя какой-то час прокомментировал случившееся следователь местного угро, после чего открытым текстом сказал, что шансов найти поджигателя нет. Разве что случайно, однако это исчезающе малая вероятность, ее даже и рассматривать не стоит. Поэтому дело продержат положенное время и сдадут в архив. Может, еще и эксперт накропает о внезапном и страшном замыкании в электропроводке. Для того, чтобы птичку-глухаря на отдел не вешать. Машина застрахована, так что покупайте, гражданин, новую. Когда за эту сподобятся выплатить. Если сподобятся.

Виталий слушал и кивал. Разумеется, купит. И даже еще до того, как Госстрах раскошелится.

Скорее всего, уже утром – деньги немалые, но у него они есть. Однако же обидно, привык он как-то к своей машине. И подозрения на то, кто это сделал, у него были. Вот только слова к делу не пришьешь, а копать полицейские вряд ли будут. Для того, чтобы это понять, достаточно посмотреть на лениво прохаживающегося туда-сюда участкового с многообещающим прозвищем Ноль-семь[2 - Ноль целых семь десятых грамма на кубический сантиметр (точнее, 0,69) – плотность дуба. Ну и объем бутылок для дешевого вина.]. Так что придется самому заняться. И, разумеется, позвонить начальству, дабы оно, случись чего, прикрыло. А то ведь бывает в этой жизни всякое.

Сгоревший практически до голого железа внедорожник уже перестал чадить, пожарные давно свернули технику и уехали, оставив после себя неопрятные клочья пены. Одно за другим гасли окна – любопытные соседи получили свою порцию зрелищ, немного позлорадствовали над неудачником и теперь отходили ко сну. В этот момент Виталий и ощутил приступ бешенства, требующий немедленного выхода. Что же, не стоило его злить. Особенно учитывая, что подозреваемого он неплохо помнит в лицо. И пускай расследовать преступления его специально не учили, кое-какие навыки все же имеются. Да и сопляк, словивший утром по морде, не Штирлиц.

– Капитан, а пойдемте, пошепчемся, – тронул Виталий за плечо следователя.

Тот недовольно поморщился, однако спорить не стал. Отошел вслед за пострадавшим чуть в сторону и профессионально-нейтральным тоном поинтересовался:

– Вы что-то хотели мне сказать, Виталий Семенович?

– Скорее, показать… – Виталий извлек из внутреннего кармана небольшую пластиковую карточку с триколором, фотографией, печатью и прочими атрибутами, протянул ее следователю. Тот взглянул, вроде бы и безразлично, однако подобрался, словно кот перед прыжком. Проняло, значит. Виталий усмехнулся мысленно. – Вас устраивают мои аргументы?

– И что же вы от меня хотите?

– Ничего особенного. Есть у меня один человечек на примете, но вы его вряд ли раскрутите. Эта шпана тоже детективы смотрит и алиби себе наверняка обеспечила. Я всего-то прошу аккуратненько пробить его по вашей базе, а там уж мои проблемы.

– Я сомневаюсь, что это законно, – глубокомысленно изрек следователь.

– Я, знаете ли, тоже. Но вы ведь законно ничего сделать не сможете, а?

– Скорее нет, чем да.

– Вот и я о том же. Ну а если я сам что-то сделаю, то у вас точно проблем не возникнет. Главное в ходе следственных действий не выйти на самих себя.

– Приходите часов в десять, составим фоторобот, пробьем, – сдался капитан.

Вот так-то. Понимает, что захоти Виталий – и он сам прибежит на цырлах, и работу начнет хоть сей момент. Впрочем, не стоило обострять.

– Договорились, – кивнул Виталий. – Надеюсь, мы сможем быть друг другу полезны.

«Сможем-сможем», – думал он утром, когда, выпив таблетку от головной боли, составлял фоторобот. Мальчик-оператор был мрачен – суббота и все такое, а его вызвали на работу. Тем не менее, работал он шустро и вполне профессионально, и менее чем за полчаса вполне правдоподобная картинка была распечатана. Еще через час капитан Самохин, тот самый следователь, позвонил Виталию и сообщил и фамилию-имя-отчество предполагаемого поджигателя, и место его проживания. Ну и, в качестве бонуса, тот факт, что парнишка ухитрился уже засветиться по мелочи в кое-каких делах, но каждый раз выворачивался, словно налим из рук. В общем, как прозрачно намекнул Самохин, может, парень и не при делах, но если он пару раз упадет и что-нибудь себе сломает, то это пойдет ему только на пользу.

Звонок этот прозвучал как раз в тот момент, когда Виталий находился в автосалоне. Разумеется, назвать таковым заведение, торгующее автомобилями, можно было с немалой натяжкой. Не Москва, чай, и не Питер. Так, один из цехов

практически заброшенного в лихие девяностые завода. Непонятно как, но предприятие все же сумело выжить, однако больше всего напоминало сейчас зомби из детских страшилок. Два работающих цеха и десяток приспособленных под склады и торговые площади. Впрочем, это было лучше, чем ничего, да и добротные, сработанные еще при Сталине, Великом и Ужасном, здания на поверку оказались куда прочнее, чем новоделы. Именно поэтому арендовали их охотно, и автосалон, в который зашел Виталий, считался едва ли не самым крутым в городе.

Выбор, правда, на поверку оказался невелик. Все же подкошенные кризисом люди машины покупать не особенно спешили – и без этого хватало на что потратить деньги. Большинство салонов практически прекратили уже возить новые автомобили, сконцентрировав усилия на перепродаже «бэушек». Ну а если что-то новое и привозилось, то лишь на заказ. Правда, имелось одно заведение, объявившее себя дилером кучи марок, но на поверку у них имелись лишь УАЗы и «лады». Не то чтобы отечественный автопром выпускал совсем уж дерьмовую продукцию – он, откровенно говоря, за последние годы добавил и в качестве, и в комфорте, но все же это было совсем не то, что хотелось. Еще стояло в том же салоне китайское барахло, и на этом выбор заканчивался. Нужно что-то конкретное? Опять же, заказывайте, а потом ждите месяц или два. Словом, неинтересно.

Конкретно здесь ситуация была такая же, как и у большинства конкурентов, но имелись нюансы. Во-первых, звание самого престижного в городе салона требовало создавать хотя бы иллюзию выбора, а во-вторых, встречаются машины, от которых заказчик отказался, и в этом заведении таковые имелись.

Вот только, как ни крутился ужом менеджер, имеющий свой процент с каждой проданной железки, подходящих вариантов попросту не находилось. Классические седаны и универсалы Виталий отбраковывал походя. Точнее, даже не рассматривал их. Тому, кто на полный привод сел, обратно перепрыгивать не захочется. Кроссоверы тоже не впечатляли – машина, которой предстоит идти через лес, должна иметь реальную проходимость, а не ее видимость, и вдобавок, по твердому убеждению Виталия, иметь рамную конструкцию. Может, он и был ретроградом, но как-то предпочитал именно такие, понятно-надежные решения. Все остальное, по его мнению, для леса – баловство и профанация.

В общем, за вычетом вышеперечисленного, а также китайских подделок, выбор снижался всего-то до двух образцов – «прадо» и здоровенного «лексуса»,

притулившегося у дальней стены. Первый не устраивал дешевой комплектацией и слабеньким бензиновым двигателем, а также отсутствием внедорожных опций, второй отпугивал запредельной ценой. Не то чтобы совсем уж неподъемной, но жаба Виталия душила конкретная.

– Может, глянешь на это?

Виталий повернулся, чуть приподнял брови. Пикапы… Откровенно говоря, эти машины ему никогда особо не нравились. Однако менеджер, ловко поймав Виталия за рукав (кому другому это с рук бы не сошло, но ему можно – учились когда-то в параллельных классах и в одном школьном дворе мяч гоняли), потащил его за собой. В углу решительно сдернул брезент с агрегата – и Виталий лишь руками развел:

– И откуда же здесь такое чудо?

– Габриэлян заказывал, да вот…

Ну да, все понятно. Габриэляна неделю как похоронили. Диагноз – свинцовое отравление организма. «А вот нечего было в политику лезть», – подумал Виталий желчно. Пока он был обычным бизнесменом с немного криминальным прошлым (а кто, скажите, из прошедших девяностые крупных и средних дельцов такового не имеет), его терпели. Но как только решил, что пора становиться вершителем судеб, его живо опустили на пару метров ниже уровня грунта.

– И что тут?

Набор опций, которыми был нафарширован автомобиль, впечатлял. Пожалуй, сюда впихнули все, что можно и нельзя. Стоило это счастье, надо признать, соответственно, и это притом, что большую часть опций владелец пикапа использует, дай бог, один-два раза в жизни. Сам Виталий без раздумья вычеркнул бы по меньшей мере треть. Но, с другой стороны, какой выбор? Месяц ждать, когда привезут машину из Москвы, притом, что нужна она будет прямо сейчас? А вот хрен вам. Виталий махнул рукой:

– Беру. Но на наличку не рассчитывай.

– Картой оплатишь, мне разницы нет. На ходу попробуешь?

– А давай.

Громадина «амарока» управлялась невероятно легко. Как некоторые говорят, одним пальцем. Что же, немцы всегда умели делать машины. И внутри он выглядел не то чтобы шикарно, но добротно и уверенно. Если надежность на уровне… Виталий не интересовался раньше «фольксами» вообще и их пикапом в частности, так что оставалось надеяться на все то же знаменитое германское качество. Теперь необходимо лишь оформить документы и два часа подождать, чтоб привезли номера. Это, вообще-то, не совсем по правилам, но в провинции такие вещи решаются проще, да и цена покупки автоматически предусматривает соответствующий деньгам сервис.

А еще он, подумав, купил за смешные деньги изрядно потрепанную жизнью «субару». Так, на случай, если потребуется быстро ехать, много вертеться, не привлекать внимание и не бояться хорошо приложить агрегат обо что-нибудь твердое. Как его заверили, машина – зверь, а что вид затрапезный – так эксплуатировали ее нещадно. В общем, к вечеру Виталий подъехал к интересующему его дому на неприметной и, главное, не засвеченной пока машине.

Район, где жил интересующий Виталия персонаж, оказался по здешним меркам далековато. Минут двадцать, если на своих двоих. Интересно даже, что занесло мальчишку практически на другой конец города, да еще и не один раз? Впрочем, вариантов масса. Кто знает, может, у него тут любовь безответная. В конце концов, он хоть и дятел, но с биологической точки зрения тоже человек. Поэтому не стоило торопиться делать выводы, а нужно лишь подождать, чем Виталий и занялся.

Парень вполне оправдал его ожидания, выйдя из дому в очень удачное время. Темно, народу мало, с фонарями проблема… Район этот вообще сложно было отнести к благополучным – малосемейки, и этим все сказано. Когда-то их понастроили множество, так как население стремительно растущего города надо было куда-то заселять. Временное решение оказалось, как это часто бывает, самым постоянным. Некоторые жили в этих не самых удобных недоквартирах всю жизнь, от рождения и до смерти. Не самое дно, конечно, но бедный район, в котором то и дело что-то случалось.

Огромный плюс: в чужие дела здесь лезть было не принято. Да и некому. Так что, когда в темном проходе между домами, всего-то в полусотне шагов от собственного подъезда, навстречу парню вышел темный силуэт, на помощь ему никто не поспешил.

– Погоди, молодой человек, не торопись. Разговор есть.

– Э… Ты кто?

Парень тормознул настолько резко, что едва не потерял равновесие. Этому способствовал и ледок под ногами. Хорошее место, разом подрубает уверенность в себе, особенно если противник стоит на гравии и скользить не собирается.

– Тот, у кого ты машину сжег.

– Какую машину? Ты че?

– Хорошую, мальчик, хорошую. В жизни не расплатишься. Разве что на органы тебя пустить.

А вот дальнейшее оказалось совершенно неожиданным. Разумеется, человек в стрессовой ситуации зачастую ведет себя неадекватно, но вот то, что парень дернет руку из кармана, и в ней окажется самый натуральный пистолет… Этого Виталий не ожидал совершенно. Не вяжется такая игрушка – а пистолет настоящий, не газовик, уж в этом он разбирался – с мелкой шпаной.

– А ну с дороги, мужик, пристрелю!

Угу. Интересно, он хоть раз в человека стрелял? Как-то сомнительно. Потому что в такой ситуации надо или стрелять сразу, или не пытаться размахивать оружием.

Мозг работал холодно и четко, привычно фиксируя детали. Может, и впрямь стоило подождать встречи в иных раскладах, но то, как парень стоял, как держал пистолет… Нет уж, смысла затягивать игру попросту не было.

– Знаешь, мальчик, в чем твоя беда? Да в том, что у тебя в руках оружие, которым ты не умеешь владеть.

– А ты проверь, – злобно ощерился юнец.

– Зачем? – искренности в голосе Виталия хватило бы на роту эскулапов. – Я и так вижу.

Понимаешь, – продолжал он, доверительно понизив голос, – «макаров», разумеется, порядком устарел, да и дизайном уступает «беретте» или, к примеру, «глоку». Зато при этом он прост, как лом, и столь же надежен. Вот только есть у него один маленький недостаток… точнее, нюанс. Да и не у него одного, поверь. Дело в том, что пока его не снимешь с предохранителя, он не стреляет. Вот как ни старайся, все равно не стреляет, увы.

Откровенно говоря, Виталий понятия не имел, снято оружие с предохранителя или нет. С того ракурса, который ему открывался, этого было попросту не видно. Впрочем, это все было не важно. Главное – а хоть сколько-то понимающему человеку это было видно сразу – перед ним находилась обычная шпана. Не террорист, не шпион… Черт возьми, даже не боевик из какой-нибудь группировки образца девяностых, собаку съевший на разборках с конкурентами. И не охотник из таежного села где-нибудь в Якутии, способный положить пулю белке в глаз или, как вариант, отстрелить незваному гостю яйцо. Правое или левое, на выбор. Нет, шпаненок, в меру накачанный, с пистолетом, но от этого не переставший быть мелочью. И кое-каких рефлексов у него попросту не было. К примеру, не выпускать из виду противника. И когда парень скосил глаза, чтобы определить, что же не так с его пистолетом, Виталий быстро шагнул вперед-вправо и ударил.

Телескопическая дубинка – штука не самая надежная. Главным образом потому, что если ее хоть немного погнуть, то просто так закрыться-раскрыться ее уже не заставишь. Однако когда за ней следишь и ухаживаешь, то и она в ответ не подведет. И удар по запястью юнца получился именно такой, как нужно, – быстрый, жесткий, болезненный. Пожалуй, что, кость сломана, успел подумать Виталий, но почему-то совсем не посочувствовал пострадавшему. Вместо этого он еще раз добавил парню дубинкой, на этот раз в живот, подобрал оружие и, рывком вздернув щенка за ворот куртки, поволок следом за собой в темноту подъезда. Шпаненок открывал рот, как вытащенный на берег карась, рефлекторно и без единого звука. Что же, меньше шуму… Это всегда неплохо.

Дергаться он начал уже тогда, когда плохонькие деревянные двери громыхнули за спиной, отрезая их от пускай ненадежного, однако все же хоть как-то ассоциирующегося с жизнью полумрака улицы. Что же, тем хуже для него.

Виталий перехватил парня за неожиданно худосочную и мягкую для крепкого вроде бы организма шею, сдавил пальцами чуть ниже ушей. Не то чтобы опасно, однако крайне неприятно. Зло прошипел в ухо:

– Дернешься – сверну шею, как куренку. Пшел!

На третий этаж они поднялись единым духом. Потом – длинный коридор (малосемейки все же более функциональны, чем удобны) и дверь. Хорошая, добротная, из железа, способная неплохо гасить звуки. Это радует. Коротко ткнув полностью деморализованному пленному под ребра, аккурат чтоб тот воздух ртом хватал, не помышляя о сопротивлении, Виталий бесцеремонно охлопал его карманы, разжившись в дополнение к пистолету складным ножом-выкидушкой (старею, ох, старею, хватку теряю, это надо было сделать в первую же минуту общения, посетовал он про себя) и ключами. Еще минута – и вот они уже в квартире.

Толчком отправив парня в комнату, аккурат с тем расчетом, чтоб он не потерял равновесие и не упал, доломав покалеченную кисть (возись потом с болевым шоком, если дел других нету), но слегка стукнув под дых, отбивая всякое желание брыкаться, Виталий быстро осмотрел квартиру. В общем-то, стандартно все. Огромная комната, крохотная до неприличия кухонька. Были кладовка и туалет, но их, как это в таких квартирках обычно и делают, давным-давно объединили – разобрали хилую стенку, поставили душевую кабину, получив небольшой, но вполне полноценный объединенный санузел.

Мебель в комнате была… неплохой. То есть не старой, добротной, но вот элементы декора ни по типу, ни по расцветке друг с другом не гармонировали. Собирал интерьер явно мужчина, особым вкусом не обремененный и бравший то, что понравилось. Женской руки, а любая нормальная барышня подобного безобразия не допустила бы, не чувствовалось совершенно. Ну и ладно. Подтащив вяло трепыхающегося парня к огромному, обшитому «кожей молодого дерматина» офисному креслу, монументально высившемуся рядом с увенчанным гигантскими колонками компьютерным столом, Виталий бесцеремонно запихал пленного в его недра. Ну и обездвижил, благо скотч в столе нашелся и был

победителем бесцеремонно реквизирован. Оставалось лишь заклеить незадачливому поджигателю рот, проделав в скотче небольшую дырочку (говорить шепотом получится, кричать – уже нет), и полюбоваться на дело рук своих.

Для удобства любования Виталий покрутил шпаненка вместе с креслом, благо оно вокруг своей оси поворачивалось мягко и практически без усилий. И покачивалось, кстати, тоже. Неплохая штука. А главное, если крутить в разные стороны достаточно продолжительное время, то жертва начинает терять ориентацию в пространстве, а ее лицо наливаться нездоровым зеленоватым цветом. Важно не перестараться, а то сблеванет еще, да и захлебнется в собственном непотребстве. Со скотчем на губах – запросто.

Убедившись, что парень дошел до требуемой кондиции, Виталий аккуратно подкатил кресло в центр комнаты, установив его напротив большого и весьма аляповатого дивана. Сел, едва не провалившись в мягкие поролоновые недра (а на вид диван, кстати, выглядел куда более дорогим) и, окинув пленного чуть презрительным взглядом, небрежно спросил:

– И кто же тут у нас? Кожедуб Сергей… На отчество пока не заработал, фамилия… Какую фамилию испоганил, дятел! А вот имя – самое то.

Европейское, можно сказать. Толерантное. Сэр Гей… Ну что, рассказывай, жертва аборта, как ты дошел до жизни такой.

Пленный собрался с мыслями, потом с силами, после чего выдал короткую и не слишком изобретательную фразу о том, что он думает о собеседнике, его родных и близких, а также нюансах их размножения. Виталий лишь плечами пожал:

– Я надеюсь, это была неудачная шутка? Если так… Шутник, помни: чтобы улыбнуться, надо задействовать аж семнадцать мышц, а чтобы нажать на курок – всего четыре.

– Ну, ты дурак…

– Угу, угу… – Виталий достал реквизированное у соперника оружие, хмыкнул. – А знаешь, что здорово? Нет? Видишь ли, на пистолете сейчас только твои

отпечатки. А я в перчатках. Сечешь?

– Не рискнешь. – Тем не менее, глазки испуганные. Стало быть, не так уж крепок в вере, а это радует.

– Ты думаешь, я тебя убивать буду? Нет, я грех на душу не возьму, ибо смысла нет. Я тебе его сейчас в жопу вставлю – и стрельну. С маху очко разорву, веришь? А потом оставлю тебя здесь часов на несколько. Будешь с развороченными кишками о смерти умолять. И никто тебя уже не спасет, заражение крови – хорошая штука. Но умрешь, что характерно, сам, без моей помощи. Как, нравится перспектива? И менты дело не заведут, им лишний геморрой не нужен. Хранил дома оружие, а это уже статья. Сел на него случайно… Типичное самоубийство. Всех устроит.

Парень явно запаниковал. Виталий тем временем мельком осмотрел его руку. А перелома-то и нет, похоже… Крепкий организм попался. Ничего, это поправимо.

– Давай сразу, чтоб недоговоренностей не было. Ты, конечно, сейчас, в меру своих скромных умственных способностей, пытаешься найти вариант, как бы отбрехаться. Не выйдет. Тебя камера засекла. Просто менты запись пока не получили. А получат или нет – это уж от тебя зависит. И, поверь, попасть в камеру для тебя сейчас – это значит легко отделаться. Что глазиком-то задергал, а? За каждым нервным тиком прячется увлекательная история. Давай, испражняйся.

Насчет камер – блеф чистой воды. Не было на их доме установлено видеонаблюдение. На соседнем было, а на их – нет. Вот только поверить в то, что камеры все же воткнули, можно было, не напрягая лишний раз извилины. В конце концов, этого барахла по городу натыкано очень много, и кое-какие из них и на камеры-то не похожи. Наука на месте не стоит, и какой-нибудь китайский ширпотреб может быть размером с воробья, а обзор давать на весь двор. И парень, судя по его вытянувшейся роже, поверил. Ход мыслей понятен даже для такого примитива.

– Слушай, мужик…

– Мужики в деревне с вилами навоз убирают. Или с топорами дома строят, – Виталий задумчиво прищурился. – А что, парень, у тебя в хозяйстве топор есть?

Сейчас выстругаем из тебя Буратину…

– Да нет, я это… Извиняюсь… Слушай, ну я не специально…

– Бес попутал?

– Ага, – парень радостно ухватился за удачную фразу. – Я это… Ну, ты меня побил, я разозлился. А искать тебя, чтобы морду набить, времени не было.

– А может, просто страшно было?

– И страшно тоже, – покладисто согласился пленный. – Вот и решил отомстить. Откуда ж я знал, что ты крутой…

– И что дальше?

– Дальше? Ну я… Это самое… Возмещу все…

– Конечно, возместишь. Ты возместишь, страховая возместит, в общем, я даже в плюсе буду. Только один нюанс. Не верю я тебе, щенок, ни на грош.

– Я это… Правда…

– Твой прокол в пушке, которой у тебя не должно быть, – задумчиво, словно объясняя студенту-двоечнику, почему он вот прямо сейчас отправится в военкомат за новенькой пятнистой формой, пояснил Виталий. – Ты – шпана и мелочь пузатая, твой предел – ножик в подворотне достать. Пистолет, даже отечественный, – это уже статусная игрушка, а весь твой статус – письку дрючить да кошек мучить. Ничего, что я так, по рабоче-крестьянски? Так что не морочь мне голову. Вокруг меня в последнее время слишком много непонятного, и раз ты попал в список этих нескладушек, то придется тебе все же со мной поговорить всерьез и о многом.

– Я это… Правду говорю…

Виталий пожал плечами, встал, а потом вдруг резким, практически неуловимым глазу движением ухватил парня за лицо и вдавил ему большие пальцы в глаза.

Тот заверещал, как поросенок, слышно было даже через скотч, задергал головой. Впрочем, продолжалось это секунд пять, не более. Пять секунд, что кажутся вечностью. Потом Виталий оттолкнул свою жертву и вновь плюхнулся на диван, с интересом разглядывая дело рук своих. Получилось, следует признать, неплохо. Парень сидел ни жив ни мертв, и, судя по выражению лица, все еще не мог поверить, что остался при зрении. Так, синяки на веках да покрасневшие глазные яблоки. Можно сказать, мелочь…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ОБС – одна бабка сказывала (сленг 80-х).

2

Ноль целых семь десятых грамма на кубический сантиметр (точнее, 0,69) – плотность дуба. Ну и объем бутылок для дешевого вина.

Купить: https://tellnovel.com/mihail-miheev/syschik-ponevole

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити